

U S S R A C A D E M Y O F S C I E N C E S
G E O G R A P H I C A L S O C I E T Y O F T H E U S S R
O R I E N T A L C O M M I S S I O N

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Under the general editorship
of D. A. O L D E R O G G E, Corresponding Member
of the U S S R
Academy of Sciences

VOL. VI

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE PACIFIC BASIN

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
M O S C O W 1968

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VI

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

В. В. Антропова, Ч. М. Таксами

**КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО АН СССР ПО НАРОДАМ
ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ СССР**

Сокровищницей этнографических коллекций СССР является старейший музей страны — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР, 250-летие которого отмечалось в 1964 г. Он был основан Петром I в 1714 г. как Кунсткамера и явился первым русским музеем и научным учреждением страны. Тогда же начался систематический сбор коллекций по различным областям знаний, в том числе и этнографическим. Как самостоятельный музей Кунсткамера просуществовала до 30-х годов XIX в. К этому времени ее собрания настолько увеличились, что на их основе (с 1818 по 1836 г.) организуется несколько отраслевых самостоятельных академических музеев, в том числе и Музей этнографии (1836 г.). В здании бывшей Кунсткамеры — одном из красивейших памятников XVIII в. в Ленинграде — остался только Музей этнографии.

В 1879 г. его слили с Анатомическим музеем и он стал именоваться Музеем антропологии и этнографии¹. Под этим названием музей существует и по настоящее время.

За 250 лет музеем были собраны ценнейшие коллекции. По количеству экспонатов он занимает одно из первых мест в мире среди этнографических музеев. Из отечественных коллекций музея наиболее многочисленны сибирские, в их число входят большие собрания предметов культуры и быта коренного населения Тихоокеанского побережья советского Дальнего Востока. Описанию этих собраний и посвящена данная статья. Но прежде чем перейти к нему, нам хотелось бы дать краткую характеристику быта, культуры и лингвистической принадлежности этих народов.

* * *

Коренное население Тихоокеанского побережья советского Дальнего Востока по своему языку и культуре неоднородно. По языковому признаку, который положен в основу классификации народов, оно принадлежит к разным лингвистическим группам.

В тунгусо-маньчжурскую языковую группу входят народы, населяющие бассейн р. Амура и его притоков, — нанайцы (прежнее назва-

¹ Далее именуемый МАЭ.

ние — гольды), ульчи, орочи, удэгейцы, негидальцы. Все они говорят на родственных языках и имеют много общего в хозяйстве и культуре. Основными видами их хозяйственной деятельности в прошлом являлись речное рыболовство и охота на пушного и морского зверя. В зависимости от местности доминировала та или другая отрасль, например у ульчей и орочей получил развитие морской зверобойный промысел. Сходство отдельных элементов культуры указанных народов наблюдается в жилище, одежде (например, халат из рыбьей кожи), средствах передвижения (особый тип собачьей нарты, однотипная лодка-берестянка), в орнаментальных мотивах и во многом другом.

К тунгусо-маньчжурской группе относятся еще ороки, обитатели острова Сахалина. Они занимались рыболовством, охотой на пушного и морского зверя. Техника этих промыслов мало отличалась от амурской. Большое значение в хозяйстве ороков имело и оленеводство, что сближало их с тунгусскими народами — эвенками и эвенами. В материальной культуре ороков также прослеживаются тунгусские элементы (например, корьевой чум).

Промежуточное положение между амурскими народами и собственно тунгусами (эвенками и эвенами) занимают негидальцы, жившие по рекам Амгуни и Амуру. Их традиционная культура соединяет в себе тунгусские и амурские элементы. Основное занятие — рыболовство и охота, как у амурских народов, но в отличие от последних негидальцам было известно еще оленеводство. В жилище и одежде наблюдались разные варианты. Жилище было представлено как амурским (корьевой шалаш с двускатной крышей), так и тунгусским (конический чум) типами, это же было характерно и для одежды — наличие амурского халата из рыбьей кожи и тунгусского нагрудника.

К собственно тунгусам относятся эвены (ламуты) и эвенки (тунгусы).

Эвены расселены по Охотскому побережью в Хабаровском крае, в Магаданской и Камчатской областях. Они были кочевниками — оленеводами и охотниками, и лишь небольшая группа жила оседло на Охотском побережье и занималась промыслом морского зверя и рыболовством. Олень служил кочевникам средством передвижения во время охотничьего промысла, а весь их быт был хорошо приспособлен к длительным передвижениям — переносное жилище, различные типы выючных сум, особая колыбель для перевозки детей, распашная меховая одежда с расходящимися полами, удобная для верховой езды на оленях, и т. д.

Эвенки, проживающие во многих районах Хабаровского края, Приморской и Сахалинской областей, как и эвены, являлись охотниками и оленеводами.

К амурским народам, в первую очередь к нанайцам и орочам, очень близки по культуре нивхи (прежнее название — гиляки), но резко отличаются от своих соседей по языку, который исследователи не могут отнести ни к одной языковой группе. Нивхи подразделялись на материковых, или амурских, живущих по нижнему течению Амура и Амурскому лиману, и обитателей о-ва Сахалина. Исконными занятиями нивхов были рыболовство и морской зверобойный промысел, охота играла у них меньшую роль, чем у других народов Амурского бассейна.

К языковой группе северо-восточных палеоазиатов относятся народы, населяющие северную часть Тихоокеанского побережья. Это — чукчи, коряки и ительмены. Чукчи составляют основное коренное население Чукотского национального округа Магаданской области. По хозяйственному признаку они подразделялись на две группы — оленеводов-кочевников (оленные чукчи) и оседлых охотников на морского зверя (при-

морские чукчи). В отличие от хозяйства тунгусских племен для хозяйства чукчей было характерно крупнотабунное оленеводство, с которым был связан кочевой уклад жизни, вызванный необходимостью передвижения стад на новые пастбища, богатые ягелем. Материальная культура чукчей-олeneводов в общих чертах мало отличалась от культуры приморских чукчей. Для обеих групп была характерна глухая меховая двойная одежда, меховой полог внутри жилища и т. д. Средством передвижения кочевых чукчей была оленья упряжка, оседлых — собачья.

Культура другого народа из группы северо-восточных палеоазиатов, коряков, в целом родственна чукотской. Коряки составляют основное население Корякского национального округа (Камчатская область) и, как чукчи, подразделялись по роду своей деятельности на кочевников-олeneводов и оседлых рыболовов и охотников на морского зверя.

Ительмены (старое название камчадалы), последние из народов палеоазиатской группы, в XVII в. населяли весь Камчатский полуостров. К концу XIX в. они ассимилировались с русскими, восприняв их язык и культуру. В настоящее время лишь небольшая группа ительменов, живущая на западном побережье Камчатки, сохранила еще свой язык и национальное самосознание. Вещественные материалы самобытной культуры ительменов, хранящиеся в музеях, имеют особое значение как памятники исчезнувшей культуры.

Эскимосско-алеутская группа народов на советском Тихоокеанском побережье представлена эскимосами и командорскими алеутами. Хозяйство и быт эскимосов мало отличались от хозяйства и быта приморских чукчей.

В XIX в. на о-ве Сахалине и Курильских островах жили еще айны — народ, стоящий особняком от других племен Сибири.

Коллекции, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии, отражают традиционную культуру и быт почти всех названных выше народов. На основании этих коллекций можно характеризовать разные типы хозяйства населения, орудия охоты, рыболовства, морского зверобойного промысла, оленеводства, технику этих промыслов и т. д. В материальной культуре наиболее всесторонне представлены одежда, утварь, средства передвижения (как подлинные экспонаты, так и модели), жилище (преобладают модели). Имеются также богатейшие материалы по искусству народов тихоокеанского круга — различные орнаменты, резьба по кости, костяная и деревянная скульптура и др. Искусство этих народов чаще носит прикладной характер, поэтому кроме самостоятельных экспонатов материалы по искусству в изобилии можно найти на многих предметах домашнего обихода.

Большую ценность представляют многочисленные экспонаты, отражающие примитивные религиозные верования. По ним можно судить о древних анимистических представлениях, обрядах, культе животных, обычаях, связанных с рождением и смертью, и т. д. Наконец, уникальные материалы по шаманству могут многое дать исследователям, занимающимся начальными формами и происхождением религии.

Этнографические коллекции Музея антропологии и этнографии по народам Тихоокеанского побережья, как и по другим народам Сибири, являются результатом более чем двухвековой собирательской деятельности Музея. В этой работе первое место занимают специальные научные экспедиции, которым наряду с изучением отдельных народов поручался сбор вещественных материалов по этнографии и фотографиям. Роль экспедиций в собирании коллекций особенно возросла в советский период.

В комплектовании коллекций по народам Тихоокеанского побережья приняло участие большое количество лиц. Имена многих из них остались известны только узким специалистам. В числе собирателей дореволюционного периода были видные этнографы-сибиреведы С. П. Крашенинников, Л. И. Шренк, В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, Л. Я. Штернберг, Б. О. Пилсудский и др.; ученые других специальностей — географ Р. Маак, зоолог и археолог И. С. Поляков; геологи и топографы — И. П. Толмачев, К. И. Богданович, С. Г. Кусов, А. Г. Мягков; знаменитые мореплаватели и путешественники — Ф. П. Литке и его соратники по кругосветным путешествиям, В. К. Арсеньев — широко известный ученый, путешественник и писатель; чиновники отдельных областей Дальнего Востока, например, Н. Л. Гондатти.

Особо следует отметить собирательскую деятельность препаратора Зоологического музея И. Г. Вознесенского, специально командированного для пополнения коллекций академических музеев, в том числе и этнографического.

Немалый вклад был внесен также и добровольными пожертвованиями. Много экспонатов было прислано Музею местной интеллигенцией Дальнего Востока, энтузиастами-краеведами, врачами В. Н. Кириловым и П. И. Супруненко, а также простыми людьми, иногда даже неграмотными. Для примера приведем дословно выдержку из письма, написанного в 1912 г. местным жителем Камчатки А. А. Щенниковым: «...прошу ваше превосходительство неотказат моей прозбы принят в дар музея мной привезенные вещи»².

В советское время коллекции увеличились главным образом за счет научных экспедиций, возглавляемых специалистами-этнографами. Среди них первое место занимают работники Музея антропологии и этнографии и Института этнографии Академии наук СССР — И. И. Козьминский, Н. К. Каргер, С. В. Иванов, Н. А. и А. Н. Липские, А. В. Смольяк, М. Г. Левин и другие, в разное время работавшие в стенах Музея или Института. Некоторые из них и по настоящее время являются сотрудниками этого Института.

В конце 20-х — начале 30-х годов в собирательской деятельности Музея приняли участие студенты-этнографы Ленинградского университета Е. А. Крейнвич, А. С. Форштейн, С. Н. Стебницкий и другие. Посланные университетом на длительную практику в районы Крайнего Севера, они обычно привозили оттуда этнографические экспонаты.

В Музее антропологии и этнографии насчитывается около 10 тыс. предметов быта и культуры народов советского побережья Тихого океана. Дать подробное их описание в небольшой статье невозможно, поэтому постараемся охарактеризовать самые ценные поступления.

Наиболее многочисленны собрания по этнографии народов Амурского бассейна и о-ва Сахалина. Первая комплексная коллекция из этих районов, поступившая от академика Л. И. Шренка, насчитывает свыше 300 предметов быта и культуры нивхов, нанайцев, ульчей, ороков. В ней отражена материальная культура этих народов, в особенности одежда и утварь, народная техника, орудия промыслов; многочисленны материалы по искусству и религии (изображения различных духов и др.). Она собрана в 1853—1856 гг., когда Л. И. Шренк возглавлял Амурскую академическую экспедицию. Результаты экспедиции он опубликовал в трехтомном труде — в 1881 г. на немецком языке, а в 1883—1903 гг. — на русском³. Иллюстрациями к этому труду служили многие предметы

² МАЭ, документы к описи № 1942.

³ Л. И. Шренк. *Об инородцах Амурского края*, тт. I—III, СПб., 1883—1903,

Ульчский халат из рыбьей кожи.
Из собраний Р. Маака (Колл. МАЭ)

коллекции. Заслуга Л. И. Шренка не ограничивается только его исследованиями и личными сборами. Будучи в течение ряда лет (с 1879 по 1894 г.) директором Музея антропологии и этнографии, он много сделал для расширения собирательской деятельности Музея в целом.

К середине прошлого века относятся сборы географа и путешественника по Сибири Р. Маака. Во время экспедиции на Амур, организованной Русским географическим обществом, им была собрана большая коллекция (около 200 предметов), главным образом предметов одежды нанайцев и ульчей, во многом дополняющая коллекцию Л. И. Шренка.

Большой вклад в изучение народов Амурского бассейна и о-ва Сахалина был сделан политическим ссыльным, впоследствии выдающимся сибиреведом — этнографом Л. Я. Штернбергом. Менее известен он как собиратель. В 1889 г. Л. Я. Штернберг за активное участие в организации «Народная воля» был сослан на о-в Сахалин, где впервые столкнулся с «живой» этнографией и занялся изучением нивхов (гиляков). Л. Я. Штернберг прежде всего известен как автор работ о социальном строе этого народа. Всесторонне изучить древние и современные (т. е. конец XIX в.) формы общественной и семейной жизни нивхов ему помог случай. Во время предварительного заключения он познакомился с классической работой Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Эта работа помогла начинающему исследователю во многом правильно проанализировать некоторые древние институты первобытнообщинного строя нивхов, в частности групповой брак, родовую организацию и др. Исследование Л. Я. Штернберга о групповом браке у нивхов стало известно Ф. Энгельсу и получило его одобрение⁴.

После возвращения из ссылки в 1897 г. жизнь и научная деятельность Л. Я. Штернберга становятся неотделимы от Музея антропологии

⁴ Ф. Энгельс, *Вновь открытый пример группового брака*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 22, стр. 364—367.

и этнографии. Он возглавил всю работу по сибиреведению. Благодаря его энергичной деятельности Музей организует экспедиции в малоисследованные районы Сибири, в обязанности которых входит также сбор коллекций по определенной программе. Он устанавливает связь с местными учеными и краеведами, всячески поощряя их собирательскую деятельность, добывая для этого необходимые материальные средства, рассылает нужные программы и инструкции. Под его руководством впервые проводится научная регистрация сибирских коллекций Музея.

В 1910 г. Л. Я. Штернберг принимает участие в работе Амурской экспедиции; посещает поселки нивхов, нанайцев, орочей, негидальцев и наряду с изучением культуры и языка этих народов приобретает различные бытовые вещи. Им была собрана для Музея комплексная коллекция по хозяйству, быту, верованиям и искусству нанайцев (свыше 400 предметов). В ней представлены предметы охоты, народная техника и материальная культура; имеются также образцы вышивок и другие материалы по искусству. Религиозные представления нанайцев могут быть иллюстрированы большим количеством изображений различных духов, имеющих в этой коллекции, предметами шаманского культа, комплексом предметов, употребляемых на псминках, и многими другими.

Коллекция по этнографии нивхов, доставленная Л. Я. Штернбергом, насчитывает свыше 175 единиц. Наиболее интересны в ней предметы культа. Негидальские собрания Л. Я. Штернберга (около 130 предметов) дают некоторое представление о занятиях, материальной культуре, прикладном искусстве и верованиях этого народа.

Кроме названных здесь больших поступлений Л. Я. Штернберг привез небольшое число экспонатов и по другим народам Амурского бассейна и о-ва Сахалина.

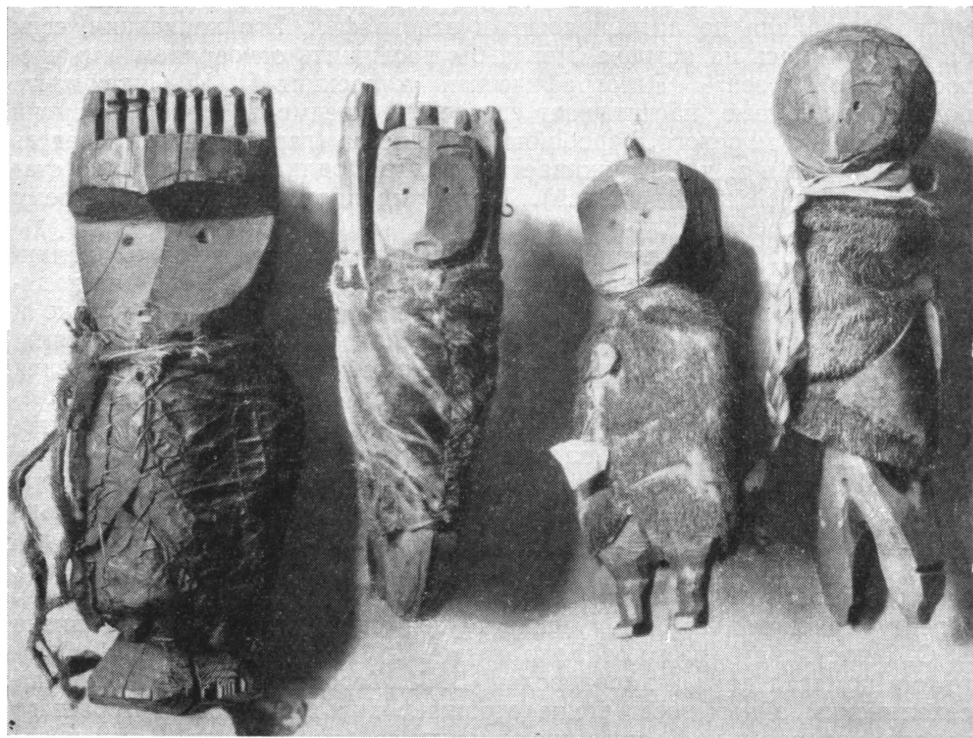
Амурская экспедиция помимо этнографического изучения и сбора коллекций засняла большое количество негативов, иллюстрирующих быт населения. Этой экспедицией закончились полевые работы Л. Я. Штернберга, но не окончилась его собирательская деятельность.

В 1911—1914 гг. Музей обогащается ценными предметами по этнографии удэгейцев, полученными от В. К. Арсеньева.

В. К. Арсеньев, впоследствии автор широко известной книги «Дерсу Узала», был тесно связан через Л. Я. Штернберга с Музеем антропологии и этнографии. Он не только сам собирал коллекции, но и привлекал к этому делу других людей. Он был большим и бескорыстным энтузиастом-собирателем. В одном из писем к Л. Я. Штернбергу В. К. Арсеньев пишет: «Считаю Вас долгом уведомить, что свои сборы по этнографии я *никогда не продаю* (курсив автора письма), а жертвую. Продажу вещей в Музеи — я не допускаю. Музеи — дело народное, общее, и потому все должны работать бескорыстно»⁵. Из своего путешествия по уссурийской тайге он прислал наземную гробницу знатного удэгейца с богатым инвентарем, шаманское дерево и другие предметы культа. Уникальным экспонатом является шаманское дерево, или тотемный столб (по определению В. К. Арсеньева). Это высокий раздвоенный столб около 6,5 м высоты. На нем вырезаны изображения птиц, змей, голов. Подобные столбы сооружались в честь родовых духов и являлись, по представлениям удэгейцев, их вместилищем. Другим уникальным предметом, по определению В. К. Арсеньева «изумительно интересная вещь»⁶, является берестяная коробка, увешанная костями

⁵ В. А. Арсеньев, *Жизнь и приключения в тайге*, М., 1957, стр. 219.

⁶ Там же, стр. 216.

Изображение духов. Ороки.
Из собрания И. С. Полякова (Колл. МАЭ)

penis'a медведя. Такие кости хранили удэгейские женщины, якобы как напоминание о происхождении от медведя и как амулет от бесплодия.

В эти же годы для Музея собирал коллекции у удэгейцев Н. В. Кирилов — врач и общественный деятель⁷. Он по роду своей работы посещал многие районы Сибири и Дальнего Востока, и поэтому Л. Я. Штернберг привлек его к участию в собирательской деятельности. Кирилов доставил в Музей шаманские вещи, изображения духов и различные металлические орудия удэгейцев, в том числе шаманские столбы. Они орнаментированы разными раскрашенными фигурами животных и снабжены скульптурными изображениями птиц.

По этнографии народов о-ва Сахалина кроме Л. И. Шренка и Л. Я. Штернберга значительные коллекции были собраны зоологом и археологом И. С. Поляковым. Он доставил в Музей в 1883 г. первую коллекцию по культу ороков и предметы по быту сахалинских нивхов.

Большое собрание предметов по быту нивхов было получено от доктора П. И. Супруненко в 1890 г. О его собирательской деятельности упоминает Чехов: «...по немногим оставшимся экземплярам, в высшей степени изящным, и по рассказам я мог судить о богатстве коллекции и о том, сколько знания, труда и любви затрачено доктором Супруненко на это полезное дело. Он начал собирать коллекцию в 1881 г. и за десять лет успел собрать почти всех позвоночных на Сахалине, а также

⁷ Е. Д. Петряев, Н. В. Кирилов — исследователь Забайкалья и Дальнего Востока, Чита, 1960.

много материала по антропологии и этнографии. Его коллекция, если бы она осталась на острове, могла бы послужить основанием для превосходного музея»⁸. Этнографическая коллекция П. И. Супруненко, подаренная Музею, насчитывает свыше 200 предметов одежды, орудий рыболовства и морского зверобойного промысла (гарпуны и др.), средств передвижения и т. д. Заслуживает внимания подлинный экземпляр старинной собачьей нарты (саней). Такой тип нарты в настоящее время вышел из употребления.

Богатые собрания хранятся в Музее по культуре и быту сахалинских айнов. Небольшие поступления и отдельные предметы были доставлены еще в конце XIX в. И. С. Поляковым, П. И. Супруненко и другими собирателями вместе с нивхскими и орокскими коллекциями, но фактическую основу айнских собраний составляют поступления Б. О. Пилсудского. Б. О. Пилсудский, автор нескольких этнографических работ о народах Сахалина, был народовольцем. Вынужденный из-за своих убеждений в 1902 г. покинуть столицу, он принимает предложение Музея заняться изучением айнов и собрать вещественные памятники их культуры. Поездка Б. О. Пилсудского затянулась на несколько лет. В конце 1906 г. он пишет Л. Я. Штернбергу из Токио: «Я не торопился возвращаться, а теперь уже вполне выяснилось, что ехать в Россию, где царствует небывалый еще произвол озлобленной темной клики, чересчур рискованно»⁹. Поручение Музея было с успехом выполнено Б. О. Пилсудским (всего собрано свыше 1000 предметов). В этой работе ему помогал другой народоволец, В. Л. Серошевский. Коллекция по сахалинским айнам всесторонне отражает культуру этого интересного народа, которая в настоящее время почти совсем утрачена. В ней представлены утварь, одежда, средства передвижения и другие предметы, относящиеся к быту айнов. Имеется много уникальных вещей, например резные надгробные памятники и собрание различных «инау»¹⁰.

Кроме перечисленных выше коллекций по этнографии народов Амурского бассейна и о-ва Сахалина в Музее имеются еще небольшие собрания: Б. О. Пилсудского, Н. И. Берлинга, супругов С. Г. и К. М. Кузовых — по сахалинским нивхам и орокам, Н. Е. Ефремова — по нанайцам, а также некоторые другие.

В советский период собирательская деятельность Музея получила новое направление. Благодаря увеличению государственных ассигнований на экспедиционную работу стало больше возможностей для планового сбора коллекций.

С конца 20-х годов в районы Амурского бассейна и на Сахалин было организовано несколько экспедиций. В их программу входил сбор экспонатов, отсутствующих в Музее.

В 1926 г. работала Горино-Амгуньская экспедиция. Ее участниками были молодые советские ученые, ученики В. Г. Богораза и Л. Я. Штернберга — И. И. Козьминский и Н. К. Каргер. Они собрали большую комплексную коллекцию (около 400 предметов) по этнографии горинских нанайцев, обособленной группы, известной еще под названием самагиров. В ней хорошо представлен охотничий промысел — орудия охоты, полный костюм, снаряжение охотника и другие предметы, интересные для характеристики хозяйства горинских нанайцев, так как в отличие от других групп нанайцев у самагиров доминировала охота, а не ры-

⁸ А. П. Чехов, Собрание сочинений, т. 10, М., 1963, стр. 163.

⁹ МАЭ, документы к описи № 700.

¹⁰ Инау — пучки стружек или искусно заструженные с одного конца палочки — ритуальные предметы. Прежде они были очень широко распространены в быту айнов.

боловство. В коллекции имеются уникальный женский свадебный костюм нанайки; много предметов культа, отражающих древние верования и обряды; большое количество образцов вышивок и трафаретов для них. Вещественные материалы экспедиции были дополнены большим количеством негативов, заснятых в полевых условиях И. И. Козьминским.

В 1936—1937 гг. около 1500 предметов по этнографии нанайцев поступило в Музей от супругов Н. А. и А. Н. Липских, участников Амурской экспедиции Института этнографии Академии наук СССР. Часть этой коллекции состоит из инвентаря шаманских погребений, остальные предметы заполняют пробелы, имеющиеся в прежних собраниях по нанайцам. Следует отметить экспонаты по социальной культуре — головные уборы нанайских старшин с атрибутами и др.

Из других поступлений можно назвать коллекцию М. А. Каплан по материальной культуре нанайцев и особенно коллекцию А. С. Эстрина, собранную в 1931 г. А. С. Эстрин — по профессии рабочий-слесарь, случайно попав на Амур, заинтересовался народной техникой нанайцев и собрал по этой теме около 500 предметов: экспонаты по примитивному кузнечеству, обработке рыбьей кожи, столярному и слесарному ремеслу и др. Отдельными предметами представлены различные стадии обработки того или иного материала, например, последовательные этапы обработки рыбьей кожи, изготовления железных наконечников и т. д. Имеются также орудия, употребляемые на различных стадиях обработки, и экземпляры готовых изделий и их полуфабрикаты.

Из более поздних приобретений Музея по нанайцам заслуживают упоминания рисунки на местную тематику, выполненные нанайским художником Андреем Бельды, получившим высшее художественное образование. Так были значительно расширены нанайские собрания.

В меньшей степени, чем нанайские собрания, пополнялись коллекции по другим народам Амурского бассейна и о-ва Сахалина, хотя и среди них имеются ценные поступления.

Экспонаты по морскому зверобойному промыслу и собирательству нивхов (в количестве 125 предметов) были доставлены в 1931 г. участником Дальневосточной комплексной экспедиции Академии наук СССР — Е. А. Крейновичем. От него также поступили рисунки медвежьего праздника, выполненные нивхами. На них изображен весь ритуал древнего обычая убийства медведя.

В 1931 и в 1934 гг. собрания по амурским нивхам пополнились коллекцией С. Г. Козина (предметы охотничьего и морского зверобойного промыслов, орудия труда, утварь, украшения от халатов, археологические памятники). Интересны ковши, употребляемые нивхами на медвежьем празднике. На них нанесены рисунки пиктографического характера, иллюстрирующие сцены убийства медведя. С. Г. Козиным доставлены также подлинники столбы, служащие опорой для поперечных балок в старинных нивхских жилищах. Столбы богато орнаментированы.

Предметы, связанные с медвежьим праздником нивхов, были собраны Амуро-Сахалинской антрополого-этнографической экспедицией Института этнографии Академии наук СССР, работавшей в 1947 г. в районах расселения ульчей, нивхов, ороков и негидальцев. Участники ее собрали значительные этнографические коллекции, а М. Г. Левин и И. П. Лавров обнаружили так называемый «медвежий» амбар одного из нивхских родов. В амбаре находился набор ритуальной посуды с пиктографическими знаками, медвежьей черепа и другие атрибуты медвежьего праздника. Этот инвентарь теперь находится в Музее.

Последнее поступление нивхских предметов относится к 1957 г.

Оно было подарено Музею нивхами¹¹. Это предметы традиционной культуры, в настоящее время вышедшие или выходящие из употребления, но хранящиеся у населения как реликты старины.

Небольшие собрания ульчских предметов, которыми располагал Музей до революции, в 1927 г. были пополнены большой коллекцией, собранной участниками Амурской экспедиции Н. К. Каргером и С. В. Ивановым. Их коллекция насчитывает свыше 300 предметов и большое количество негативов. В ней хорошо представлены предметы культа, утварь и орнамент этого народа.

В 1947 г. около 130 предметов по быту (одежда, орудия труда и промысловая утварь, орнамент) и главным образом культу ульчей поступило от Амуро-Сахалинской экспедиции (собиратель — А. В. Смоляк). Для изучения примитивных религиозных верований представляет интерес собрание ритуальной посуды, употреблявшейся прежде для «кормления» духов. Так, блюда в виде скульптурных изображений нерпы, косатки, камбалы предназначались для «кормления» р. Амура. Это обеспечивало, по представлениям ульчей, удачу в рыбном и морском зверобойном промыслах; из посуды в виде изображений птиц совершались жертвоприношения хозяину тайги. К той же категории предметов относятся и ковши, предназначенные для медвежьего праздника ульчей.

По этнографии орочей коллекции собирались в 1929 г. участниками Ороческой этнографической экспедиции — И. И. Козьминским и В. А. Аврориным. Из уникальных предметов, привезенных названными исследователями, можно отметить шаманский костюм и рисунок шамана с изображением вселенной (какой ее представляли орочи)¹². Эта экспедиция засняла большое количество негативов.

Негидальские коллекции Л. Я. Штернберга были дополнены в 1935 г. его ученицей К. М. Мыльниковой и в 1947 г. участницей Амуро-Сахалинской экспедиции А. В. Смоляк.

Собрание айнских предметов было пополнено в 1947 г. участниками Амуро-Сахалинской экспедиции М. Г. Левиным и И. П. Лавровым. На старых заброшенных мольбищах, где прежде айны устраивали медвежий праздник, они нашли ритуальную посуду, ритуальные стрелы и колчаны, ножи, пояса из крапивного волокна, инау и большое количество скульптурных изображений медведей из древесных корней. Фигурки медведей, по заключению С. В. Иванова и М. Г. Левина, исключительно интересны «с точки зрения семантики изображений»¹³.

Начало систематическим сборам этнографических коллекций по северо-восточным палеоазиатам было положено участником Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.) студентом С. П. Крашенинниковым, впоследствии выдающимся русским ученым. Изучая природу и население далекой Камчатки, С. П. Крашенинников собрал для Кунсткамеры большую коллекцию предметов быта аборигенов полуострова — ительменов и коряков, а также курильских айнов¹⁴.

¹¹ Об этой коллекции см. Ч. М. Таксами, *Дар нивхов Музею антропологии и этнографии*, — «Сб. МАЭ», т. XXII, М. — Л., 1964.

¹² Последний предмет опубликован в кн.: В. А. Аврорин и И. И. Козьминский, *Представления о переселении души и путешествиях шаманов, изображенных на «карте»*, — «Сб. МАЭ», т. XI, М. — Л., 1949.

¹³ С. В. Иванов и М. Г. Левин, *Старинные культовые изображения медведей и сахалинских айнов*, — «Сб. МАЭ», т. XXII, М. — Л., 1964, стр. 216. Об этой же коллекции имеются сведения в статье: И. П. Лавров, *Об изобразительном искусстве нивхов и айнов*, — «Краткие сообщения Института этнографии», вып. V, М. — Л., 1949.

¹⁴ К сожалению, коллекция С. П. Крашенинникова, как и большинство других этнографических собраний Кунсткамеры, погибла во время пожара в 1747 г.

Чукотская одежда.
Из собрания И. Г. Вознесенского (Колл. МАЭ)

Позднее, в конце XVIII — начале XIX в., собрания по этнографии народов крайнего северо-востока пополняются поступлениями из кругосветных путешествий. При отсутствии в те времена надлежащего учета музейных экспонатов трудно установить количество таких поступлений и имена непосредственных их собирателей.

Большие поступления были получены от Ф. П. Литке после кругосветного путешествия, совершенного им на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 гг. Пребывание шлюпа у берегов Чукотского полуострова позволило научному составу экипажа судна собрать коллекцию по быту чукчей¹⁵. Кроме самого Ф. П. Литке коллекционированием, судя по документации отдела Сибири Музея, занимались доктор Мертенс и профессор минералогии, он же рисовальщик, Постельс. Экспедиция доставила большое количество орудий охоты — стрелы, колчаны, луки, предметы рыболовства, изделия из моржового клыка и др. В этой кол-

¹⁵ По-видимому, часть предметов была приобретена у азиатских эскимосов.

лекции интересен набор старинных стрел с костяными и каменными наконечниками, а также замшевые, богато орнаментированные колчаны.

Большой вклад в собрания Музея внес выдающийся собиратель начала XIX в. И. Г. Вознесенский. Будучи простым препаратором Зоологического музея, он отправился в специальную командировку в так называемую Русскую Америку для сбора зоологических, ботанических и этнографических коллекций. Его поездка длилась 10 лет (с 1839 по 1849), из которых почти четыре года (с 1845 по 1849) он посвятил сбору материалов по северо-востоку Сибири, побывал на Чукотском полуострове, Камчатке и на Курильских островах. И. Г. Вознесенский привез для Музея богатейшие этнографические коллекции по быту коренного населения Русской Америки середины XIX в., и, как отмечено М. В. Степановой, они занимают «первое место в ряду подобных собраний в зарубежных музеях»¹⁶.

Этнографические собрания И. Г. Вознесенского по северо-востоку Сибири значительно уступают его коллекциям из Русской Америки¹⁷, но, несмотря на это, они очень ценны. Он стремился приобретать не только раритеты и курьезные вещи, а собирать вещественные памятники, дающие представление о культуре изучаемого народа. В Музей И. Г. Вознесенским были доставлены предметы по быту приморских чукчей, коряков и ительменов, а также курильских айнов. Большинство их являются уникальными, так как относятся к началу XIX в. В коллекции имеется подлинный экземпляр старинной ительменской собачьей нарты (саней) со всеми приспособлениями для езды — упряжью, костяными привязями для собак и лыжами, которыми прокладывали путь. В Музее имеются еще три экземпляра нарт подобного типа из коллекции Кунсткамеры¹⁸. Этими немногими предметами ограничиваются памятники традиционной культуры ительменов, которая к концу XIX в. была почти полностью утрачена¹⁹.

Из корякских сборов И. Г. Вознесенского можно отметить скульптуру из моржовой кости, приобретенную им у аляutorских коряков.

В конце XIX в. в Музей поступила богатейшая комплексная коллекция по быту чукчей (свыше 1000 предметов) от начальника Анадырской области Н. Л. Гондатти. Она включала полные комплекты мужской, женской и детской одежды; средства передвижения (нарты, лыжи и др.); модели жилищ; утварь (комплект старинной деревянной и костяной посуды, лампы-жирники, обивалки и т. д.). Достаточно полно представлены предметы материального производства чукчей, связанные с оленеводством, а также орудия морского зверобойного промысла и охоты, собирательства, домашних занятий и пр. В список предметов культа входят атрибуты шамана, изображения различных духов, связки домашних «охранителей», ритуальные предметы, употреблявшиеся на обрядовых праздниках (ритуальная посуда, различные изображения и др.), предметы, связанные с похоронным обрядом, и много других. Богато отражено в коллекции искусство — оригинальная скульптура из моржового клыка. Заслуживают внимания два панциря: один из мор-

¹⁶ М. В. Степанова, *И. Г. Вознесенский и этнографическое изучение Северо-Запада Америки*, — «Известия Всесоюзного географического общества», т. LXXVI, вып. 5, 1944, стр. 277.

¹⁷ Судя по архивным документам, собрания И. Г. Вознесенского были более многочисленны, но, к сожалению, не были своевременно зарегистрированы и попали в разряд беспаспортных коллекций.

¹⁸ В. В. Антропова, *Старинные камчадалские сани*, — «Сб. МАЭ», т. X, М.—Л., 1949.

¹⁹ Насколько нам известно, коллекции по быту ительменов начала XX в. в других музеях отсутствуют.

живой кожи, другой из железных пластинок — оба являются уникальными.

Вместе с чукотской коллекцией Н. Л. Гондатти были доставлены предметы (около 500 единиц) культуры и быта кереков, малоизученной группы коряков. Среди них уникальное собрание резной кости — скульптурные изображения различных животных и целых охотничьих сцен, фигурки людей и т. д. В этой же коллекции имеются одежда кереков, предметы хозяйственного назначения, культа и др.

Собраниями Н. Л. Гондатти было положено начало сборов предметов быта населения р. Анадыря, известного в литературе как анадырцы и марковцы. Это потомки аборигенного населения р. Анадыря — в основном юкагиры, которые смешались с русскими и восприняли их язык. В XIX в. они составляли локальные группы ассимилированного населения. Марковцы и анадырцы заимствовали многие элементы русской материальной и духовной культуры. Коллекция, привезенная Н. Л. Гондатти по быту анадырцев, отражает специфику этой смешанной группы населения. В ней представлены одежда, орудия промыслов и другие предметы. Обработка коллекций, привезенных Н. Л. Гондатти, была поручена В. Г. Богоразу, который сделал их научное описание и опубликовал в Сборнике Музея антропологии и этнографии²⁰.

К первому десятилетию XX в. относятся два крупных поступления предметов по быту приморских чукчей. Первое собрание (около 200 предметов) было доставлено в 1901 г. членом золотоискательской экспедиции А. Г. Мягковым, второе (свыше 300 предметов) — в 1910 г. капитаном М. Я. Кожевниковым и геологом И. П. Толмачевым. В этих коллекциях имеются одежда, орудия морского зверобойного промысла и рыболовства, предметы домашнего обихода, средства передвижения и большое количество скульптуры из моржового клыка. Часть предметов этих коллекций, по-видимому, приобретена у азиатских эскимосов.

В 1900—1901 гг. на крайнем северо-востоке Азии работала Северо-тихоокеанская экспедиция Джексона, организованная Нью-Йоркским музеем естественных наук и Петербургской академией наук. В задачу экспедиции входило всестороннее изучение народов северо-востока Сибири и сбор этнографических коллекций.

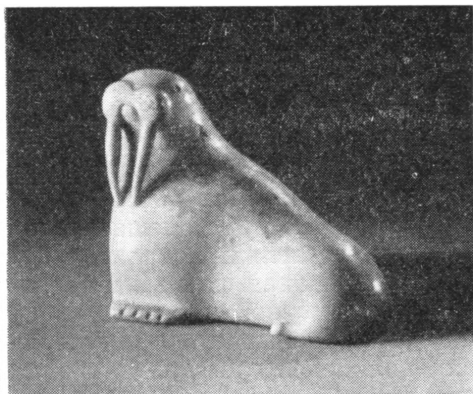
В числе ее участников были русские этнографы-сибиреведы — В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон. Творческий путь обоих исследователей напоминает путь Л. Я. Штернберга. Подобно Л. Я. Штернбергу, В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон попали в ссылку как члены «Народной воли»: первый — в Колымский край, второй — в Якутию. Как и Л. Я. Штернберг, в ссылке они впервые познакомились с «живой» этнографией и вернулись оттуда специалистами-этнографами.

При организации Джезуповской экспедиции В. Г. Богоразу было поручено заняться изучением населения Анадырского края, а В. И. Иохельсону — коряками. Во время полевой работы они собрали богатейшие коллекции, но лишь небольшая их часть поступила (в 1905 г.) в Музей антропологии и этнографии.

Коллекция, собранная В. Г. Богоразом по быту анадырцев (около 100 предметов), превосходит собрания Н. Л. Гондатти, а коллекция В. И. Иохельсона (около 200 единиц) по корякам составляет основу всех корякских собраний музея.

Из других дореволюционных поступлений по этнографии народов крайнего северо-востока можно отметить следующие: корякский погре-

²⁰ В. Г. Богораз, *Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти*, — «Сб. МАЭ», т. II, СПб., 1901.

Скульптура из моржового клыка и бараньего рога (Чукчи и коряки)

бальный костюм, доставленный в 1910 г. А. Афанасьевым; эскимосскую скульптуру из клыка моржа — от врача Н. В. Кирилова, упоминавшегося выше; предметы быта коряков и ительменов и археологические памятники Камчатки — от Г. А. Крамаренко.

В послереволюционные годы собрания Музея пополнились корякской коллекцией С. Н. Стебницкого. С. Н. Стебницкий — воспитанник Ленинградского университета и ученик В. Г. Богораза — прожил несколько лет среди коряков, хорошо изучил их язык. В Музей он привез коллекцию по быту коряков восточного побережья Камчатки — одежду, детские игрушки и другие предметы.

В 1929 г. были получены этнографические вещи по азиатским эскимосам (одежда, орудия промыслов, средства передвижения) от другого ученика В. Г. Богораза — А. С. Форштейна, который также прожил несколько лет среди чукчей и эскимосов.

В 1933 г. краеведом Корякской культбазы Н. Н. Билибиным были подарены Музею интереснейшие экспонаты — каменные орудия, изготовлять которые умели в 20-х годах лишь старики коряки.

Из поступлений послевоенных лет можно назвать коллекцию И. С. Гурвича (сотрудника Института этнографии), собранную им во время экспедиции в Корякский национальный округ. В ней отражена материальная культура коряков, старинные ритуальные предметы, употреблявшиеся прежде на обрядовых праздниках, и др.

К этому же времени относится приобретение богатого собрания (свыше 300 предметов) художественных изделий из моржового клыка, выполненных резчиками уэленской мастерской. В этой коллекции имеются гравированные клыки, мелкая скульптура (главным образом фигурки животных), различные современные бытовые предметы — ручки для письма, ножи для разрезания бумаги, пудреницы, шпильки и другие вещи, украшенные гравировкой и скульптурными фигурками. Гравировка на клыках отражает не только традиционные занятия чукчей и эскимосов, но и культуру этих народов, их новый быт. Интересны клыки с изображением общественно-политических событий, как, например, празднование Дня Победы 9 мая 1945 г., выборы в Верховный Совет СССР и др.²¹ С художественной стороны эта коллекция свидетельствует о возросшем мастерстве чукотских и эскимосских резчиков, наглядно показывает успехи в развитии национального искусства чукчей и эскимосов за годы Советской власти.

В заключение хочется сказать, что богатейшие коллекции по этнографии народов Тихоокеанского побережья, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР, являются ценными научными памятниками. Они служили и продолжают служить источником для многих исследователей, занимающихся вопросами истории и этногенеза этих народов. Археологам музейные коллекции помогают в определении, уточнении и датировке археологических находок. Неиссякаемым источником музейные коллекции служат художественным организациям, которые широко используют красочный орнамент (особенно народов Амурского бассейна) в швейной, текстильной и местной промышленности.

²¹ В. В. Антропова, *Современная чукотская и эскимосская резная кость*, — «Сб. МАЭ», т. XV, М.—Л., 1953.